

Виктория ДЬЯКОВА¹

**АЛЕКСАНДР СКРЯБИН.
«ИЗБРАННИК ВСЕЛЕННОЙ»**

«Какие мне снятся сны иногда! Не сны, а видения, призраки! Они уплотняются, обретают форму. Это великое наслаждение – видеть звуки в образах. Я будто вижу всё со стороны. Я знаю совершенно точно, что музыка заколдовывает время. Может и вовсе его остановить. Я много знаю. Знаю наперёд. Мне рассказывают. Я чувствую особую связь».

Александр Николаевич Скрябин с юных лет остро чувствовал свою избранность, своё особое предназначение. Всякий раз, начиная новое произведение, испытывал особое волнение, наподобие экстаза. «Саша сейчас так разволновался, – сообщала в письме супруга композитора Вера Ивановна его тётушке. – Это и мне передалось и детям – начинает новую симфонию». «Это у него с детства, – отвечала ей тётушка. – Бывало, прибежит в слезах, дрожит. Это состояние у него всегда, как начинает что-то новое. Надо его обнять, погладить, тогда успокоится».

Александр Николаевич Скрябин родился 25 декабря 1871 года (6 января 1872 года по новому стилю) в Москве в доходном доме Кирьяковых– Волконских на углу Хитровской площади. Его отец, Николай Александрович Скрябин, в будущем действительный статский советник и видный дипломат, в то время ещё был студентом Московского Университета. Дворянский род Скрябиных не был ни древним, ни богатым. Прадед – Иван Алексеевич Скрябин – происходил из «солдатских детей города Тулы». Он участвовал в наполеоновских войнах, в бою под Фридландом был награждён знаком отличия военного ордена св. Георгия и крестом для низших чинов. В 1809 году он получил чин подпоручика и был внесён в родословную книгу дворян Санкт-Петербургской губернии. Его сын Александр Иванович – дед Скрябина – вышел в отставку уже в звании подполковника.

1. **Дьякова Виктория Борисовна** родилась в Ленинграде. В 1989 г. окончила Ленинградский университет им. А.А.Жданова, кафедра английской филологии. Прозаик, литературовед. Член Многонационального Союза писателей. Первый роман «Камин Юсуфа» опубликован в 1989 году. Автор 20 книг и около 60 статей по вопросам литературоведения. Живёт в Санкт-Петербурге.

Мать – Скрябина Любовь Петровна, урождённая Щетинина, была пианисткой. Она окончила с отличием Санкт-Петербургскую консерваторию по классу Теодора Лешетицкого. Все педагоги отмечали несомненный исполнительский талант юной Любы. Музыкальный критик Кашкин вспоминал: «Едва поговорив с молодым человеком, я вспомнил его мать. Ещё Ларош и Чайковский говорили мне о ней, так как она была одновременно с ними в консерватории, как о самой талантливой пианистке класса Лешетицкого. Однако она, увы, не смогла достигнуть блестящей виртуозности вследствие своей физической слабости и болезненности. К сожалению, она рано умерла, вскоре после рождения сына».

В последний год жизни Любовь Петровна совершила успешное турне, в котором выступала вместе с певицей А.А. Хвостовой. За пять дней до рождения сына, 20 декабря 1871 года, Любовь Петровна дала концерт в Саратове и сразу после концерта поехала в Москву, чтобы провести рождественские праздники дома. «Она чувствовала себя так плохо, что пришлось её на руках пронести наверх от экипажа, – вспоминала сестра Николая Александровича Скрябина. – А через два часа после её приезда на свет появился Шуринька». Любовь Петровна Скрябина скончалась от чахотки в возрасте 23-х лет, спустя год после рождения сына. В это время она находилась на лечении в Тироле. Через шесть лет его отец, окончив обучение в Университете, был определён на службу в Министерство иностранных дел и назначен в посольство в Константинополь. Маленький Саша остался на попечении бабушки, дедушки и тётки.

Многие исследователи считают, что ранняя смерть матери и «отдалённое» положение отца сказались на характере будущего композитора. Саша вырос ранимым, тонко чувствующим одиночество, убеждённым в том, что он не нужен, его недостаточно любят, и он достоин большей любви и внимания. В мальчике очень рано проявился музыкальный талант, доставшийся в наследство от матери. Его кумирами стали любимые композиторы матери – Лист и Шопен, сочинения которых она исполняла лучше всего. Педагог матери – А.Г. Рубинштейн, восхищавшийся её талантом, отметил необыкновенную одарённость Саши, когда ему едва исполнилось пять лет. Уже в пять лет мальчик умел играть на фортепиано, чуть позже проявил интерес к композиции, однако дед, подполковник артиллерии, поначалу определил для внука по семейной традиции военное поприще и отдал его во 2-ой Московский кадетский корпус. Однако Саша не бросал музыку. Он брал частные уроки, уверенный, что его будущее всё-таки связано с искусством. После

окончания кадетского корпуса он поступил в консерваторию, где учился по классу фортепиано у В.И. Сафонова, а по классу композиции – у А.С. Аренского.

В консерватории Александр познакомился с молодой талантливой пианисткой Верой Исаакович, происходившей из московских дворян. В августе 1897 года они обвенчались. Многие отмечали, что этот брак не сопровождался накалом чувств, скорее молодые от-

А.Н. Скрябин

В.И. Исаакович

носились друг к другу с симпатией. Для Скрябина это была возможность обрести опору в жизни, заботу, которой он был лишён. Тогда ему казалось, что этого вполне достаточно для счастья. Но оказалось не так. «Через год после свадьбы они оба выглядели уставшими друг от друга и как будто отрешёнными», – вспоминал один из друзей семьи.

Переиграв правую руку, Скрябин в течение года после окончания консерватории не мог концертировать, и он использовал это время, чтобы начать сочинять. Вскоре его пригласили на должность профессора Московской консерватории. У него появляется собственный круг поклонников и меценатов, что позволило его семье вести безбедный образ жизни. Правда, вскоре Александр Николаевич обнаруживает, что преподавание сильно отвлекает его от собственного творчества, и он полностью посвящает себя сочинительству. Он всё больше размышляет о своем предназначении, о природе своего таланта. «Толпа – это брызги сознания гения, – записывает он в дневнике. – Гений создаёт толпу осколками своих мыслей. Всего интереснее – бытие не проявленного, того, что никто ещё не знает. Я не творю из ничего, я только снимаю завесу, делаю зримым для людей нечто, перевожу из скрытого состояния в явное».

Однако с Верой ему скучно. Супруга не разделяет его исканий. Она занята детьми, их у Скрябиных четверо, домашними делами, и только изредка садится за инструмент, чтобы помузыцировать. «Всё однообразно, душно, – жалуется Александр Николаевич тётке. – Задыхаюсь». « Он как будто искал что-то, какой-то толчок, огонь, который горел внутри него, требовал выхода, надо было только позволить ему выйти, – вспоминал музыковед Л. Л. Сабанеев. – Семейная жизнь с Верой Ивановной и детьми

изрядно опостылела ему. Он сожалел о поспешном браке, не находя у жены ни понимания своего мессианского предназначения, ни подлинного сочувствия, ни возвышенного переживания. А он остро нуждался во всём этом. Вера Ивановна же взамен лила ему на голову ушаты холодной воды обывательского благоразумия».

В конце 1902 года в доме Скрябина появляется новая ученица. Её зовут Татьяна Фёдоровна Шлецер. И хотя Скрябин не любит давать уроки игры на фортепиано, – он считает это унижительным для композитора, – на этот раз с радостью соглашается. Танечка Шлецер происходила из семьи иностранцев, обосновавшихся в России. Её отец – немец Фёдор Юльевич Шлецер был юристом. Старший брат – Павел Юльевич Шлецер, – стал известным музыкантом и педагогом Московской консерватории. Он сделал прекрасную преподавательскую карьеру. У него училось немало выдающихся учеников, и просто талантливых пианистов, например, и супруга Скрябина Вера Исаакович.

Мать Танечки, Мария Александровна Боти – миниатюрная французуженка с очень живым характером – родилась в Брюсселе. В ранней молодости она проявила недюжинные музыкальные способности и поступила в Петербургскую консерваторию, где училась у того же преподавателя, что и мать Скрябина. До конца жизни Мария Александровна не оставляла занятий музыкой и демонстрировала блестящее исполнительское мастерство. Как и ее старший брат – Борис, Татьяна Шлецер получила хорошее начальное образование. В Витебске, где после переезда из Швейцарии обосновался её отец, дом Шлецеров считался культурным центром, в нём постоянно собиралась местная интеллигенция, обсуждались новинки литературы, звучала музыка. Татьяна Шлецер окончила пансион в Витебске. Игре на фортепиано выучилась у своего дяди Павла Юльевича, у которого часто гостила в Москве. «Часто бывая у Шлецера в Гнездиновском тупике, я замечал маленькую, востроглазую девочку, – вспоминал Леонид Сабанеев, – это была племянница маэстро».

С творчеством Скрябина Татьяна познакомилась в четырнадцать лет и сразу увлеклась его музыкой – никакой иной музыки играть она не хотела. Татьяна твёрдо решила отправиться в Москву и познакомиться со Скрябиным лично. Посредником стал её брат Борис, познакомившийся со Скрябиным ещё в 1896 году в доме своего дяди Павла Юльевича. В ноябре 1902 года Татьяна Шлецер приехала в Москву и остановилась в гостинице «Принц», куда Борис и пригласил Скрябина, чтобы познакомиться с сестрой. Едва увидев композитора, Татьяна сразу объявила ему,

что собирается брать у него уроки. «Кто ваш любимый композитор?» – спросил Скрябин. И она без запинки ответила: «Вы! Прошу вас, сыграйте!». Скрябин с упоением играл до 11 часов вечера, пока это было разрешено в гостинице, а затем вся троица переместилась домой к Скрябину, где композитор играл до 2 часов ночи.

О внешности Татьяны Фёдоровны сохранились противоречивые мнения. Одна из дочерей Скрябина Мария описывает её, как довольно мрачную особу, называя «маленькой, коротконогой и злой». «Она никогда не смеялась, всегда была чем-то недовольна». Некоторую «злобность» в её облике отмечали и другие современники. Так, Сабанеев особо отмечал её холодность, неразговорчивость, отталкивающий вид. «Бледная, маленькая брюнетка с узкими злыми губами и редкими взорами в лицо собеседнику. Она держится с преувеличенной строгостью, как “принцесса крови”. Мне её фигура сразу показалась какой-то трагической, роковой. И впечатление это усиливалось от её тёмного цвета и неподвижности». «Удивительно как она всегда была мрачна, – вспоминала меценатка Скрябина Маргарита Кирилловна Морозова. – Говорила тихо, как-то невнятно. Во время наших бесед в саду она иногда вставляла слово, но это было что-то неестественное, высокопарно – льстивое по отношению к Александру Николаевичу, что, на мой взгляд, звучало дико. Например: “Когда Александр Николаевич будет господином мира, это всё будет ему не нужно (касательно денег, конечно), а пока...” Чудно».

Сам Скрябин после первого знакомства с Татьяной испытывал недоумение и опасения. Он был насторожен и смущён и внешним видом новой знакомой, и её неумными восхвалениями в свой адрес. Всегда очень подозрительный насчёт всякой заразы, он сказал Вере Ивановне, как только Шлецеры ушли: «Вера, помой чашку хорошенько, у девицы чахоточный вид». Но вскоре он уже забыл о предосторожностях. Льстивые восторги Шлецеров сделали своё дело: Скрябин находился в необыкновенном воодушевлении от знакомства с ними уже через несколько дней. Ему даже показалось, что в Танечке он нашёл родственную душу. Теперь он говорит Вере с восторгом: «Я прошу тебя, полюби Танечку. Она такая милая. Она так чувствует музыку и такая трепетная. Она должна бывать у нас, как можно чаще. Надо ввести её в наш дом, познакомить с друзьями». Он пишет письмо отцу Тани в Витебск, и признаётся: «В ваших детях, Борисе и Танечке, я нашёл добрых друзей, интересных собеседников и тонких ценителей искусства, подаривших мне как художнику много приятных

минут общения. Прошу вас, разрешите им как можно дольше оставаться в Москве».

Они действительно много времени проводят вместе. В письме к матери Татьяна сообщает: «Дождь, грязь, а мы не замечаем.

Шлецер Татьяна Фёдоровна

Шествуем через бульвары и беседуем. Скрябин – как пламя. Мы прыгаем через лужи, кажется, не идём, а летим на крыльях. Я признаюсь, что в 14 лет впервые услышала Третью сонату – это было самое сильное впечатление в моей жизни. Я мечтала о встрече с ним!». Скрябин в эти же дни записывает в дневнике: «Всё должно жить, каждая нота, каждый звук. Пусть лучше при-

поднятость, но не обыденность. Боюсь пошлости жизни». «Она поклонялась ему и воплощала для него какой-то своеобразный религиозно-эротический экстаз, который невероятно приподнял его, – вспоминал Сабанеев. – Когда он играл, она стояла на коленях с распущенными волосами и, протягивая руки к роялю, шептала – “Бог! Бог!”».

Вера Ивановна терпела из последних сил. Она не хотела разрушать семью. Но разрыв назревал. Скрябин был уверен, что «Танечка думает, как он, так же чувствует, как он». Она – полная противоположность Вере, экстаичная, вдохновенная, страстная натура. «В тот год вначале Скрябины частенько бывали у нас вместе, – вспоминал один из друзей семьи, – по мере развития конфликта, стали бывать реже, и – поодиночке».

Скрябин всё больше сосредотачивается на себе, на своём особом предназначении. «Необходимо слияние всех искусств, – пишет он Сабанееву. – Искусство должно сочетаться с философией, религией. Это будет нечто совершенно новое. У меня есть мечта создать такую мистерию, – признавался он, – и построить для неё особый храм. Надо повести человечество по новому пути. Я буду проповедовать, как Иисус с лодки. Я чувствую, во мне есть божественное, я могу стать богом. Могу взлететь и оторваться от обыденности. Но где взять силы, чтобы освободиться, полететь? Я пока не могу летать», – признаётся он с горечью.

«Скрябин и прежде поражал своей надменностью, – замечал Сабанеев. – В нём всегда было что-то отчуждённое, словно он

пришёл из другого мира. Часто когда он сидел за роялем, глаза его широко открывались, как будто он видел видение. После знакомства с Татьяной Фёдоровной все эти черты усилились».

Тонко уловив изменения в её кумире, Татьяна Фёдоровна с успехом продолжала свою игру, стараясь окончательно вытеснить Веру Ивановну из его жизни. М.К. Морозова вспоминала, что в присутствии Александра Николаевича она не могла подняться по лестнице, изображая слабость, и он должен был поддержать её, иначе бы она лишилась чувств (хотя без него прекрасно с этим справлялась). «Взор, вдохновенно устремлённый на Александра Николаевича, когда он играл, разговор, никогда не касавшийся ничего земного, прозаического, о каких-то мистических высотах – всё это создавало вокруг её личности ореол таинственной глубины, скрытых талантов и каких-то тонких, сверхчеловеческих переживаний, недоступных простым смертным», – замечала Ольга Монигетти, давний друг Скрыбиных. Скрыбин как будто обретает второе дыхание в творчестве. Летом 1903 года, находясь с семьёй на даче, он сочиняет Третью Божественную симфонию, а попутно ещё тридцать фортепьянных пьес. «Искусство, – рассуждает он вдохновенно, – это священное бытие, особая реальность. Я создаю новое, священное бытие, желая найти новые реальности. Всё изменчиво в мире. Боль переходит в наслаждение – так устроено».

Его переписка со Шлецарами не прекращается. Вера Ивановна замечает, что её супруг больше не адресует письма Борису, как прежде, а обращается напрямую к его сестре. Осознавая, что отношения её супруга и Танечки давно переросли из отношений учителя и ученицы в нечто большее, Вера Ивановна потребовала от супруга прекратить эту связь. В ответ Скрыбин принимает решение уехать за границу. Он отправляется в Швейцарию. Его друг и издатель М. П. Беляев обещает обеспечить ему и при необходимости его семье безбедное существование в Женеве.

В это время в письме своему учителю В.И. Сафонову Скрыбин впервые упоминает о желании развестись с Верой и жениться на Татьяне Шлецер. Сафонов категорически не поощряет таких намерений – он давно знает Веру и хорошо к ней относится. Скрыбин потрясён его реакцией. Он обижен тем, что его окружение не желает признать, какую важную роль играет в его жизни Татьяна Фёдоровна. Теперь каждый, кто не принимает Татьяну Фёдоровну, становится для него личным врагом. «Главное условие вступления в круг Скрыбина теперь стало смотреть на Татьяну Фёдоровну доброжелательно», – отмечает Сабанев.

В феврале 1904 года Скрябин уезжает на постоянное место жительства в Женеву. Уезжает один, чуть позднее к нему присоединяются Вера и дети. Татьяна Фёдоровна остаётся в Москве. Главная цель Скрябина – «завоевание Европы». Он лелеет честолюбивые мечты – покорить европейского слушателя. «Я пишу поэму для оркестра, – сообщает он Сабанееву, – такой музыки ещё не было. Я – существо абсолютное. Я – бог! Вселенная – это моя музыка, моя игра».

Скрябин с семьёй живут в небольшом дачном домике на берегу Женевского озера. Татьяна Фёдоровна засыпает его письмами из Москвы. Чтобы получать их, Скрябину приходится соблюдать конспирацию. Ссылаясь на необходимость побыть одному, он совершает пешие прогулки до Женевы – на почту. Иногда ездит на трамвае. «Саша, я скучаю по твоей дивной душе, – пишет в это время Татьяна Фёдоровна. – Все эти дни играла первую часть Четвёртой сонаты. Я словно увиделась с тобой. Я испытываю странное поэтическое чувство, когда играю твои произведения. Очень возвышенное».

Скрябин молчит, прячет письма от жены, но на самом деле он всё для себя уже решил. Он усиленно занимается с Верой Ивановной, готовя её к самостоятельной жизни концертирующей пианистки. Вера соглашается, во всяком случае, внешне. Когда, по его мнению, Вера Ивановна набрала необходимый опыт, Скрябин вызвал Татьяну Фёдоровну в Швейцарию. Он был готов нанести решающий удар. «Татьяна появлялась на даче каждый день, – вспоминала М.К. Морозова, гостившая с семьёй по соседству. – Она усаживалась за стол, как хозяйка. Её присутствие очень нервировало Веру, она часто не выдерживала и убегала из-за стола в слезах. Особенно меня поразило то, как Татьяна Фёдоровна подчёркивала каждое слово, сказанное Верой, и восклицала, обращаясь к Скрябину: “Это же суцая глупость! Вы слышите, Александр Николаевич?” Она буквально высмеивала всё, чтобы ни сказала Вера, и это очень походило на травлю. Татьяна Фёдоровна буквально упивалась этим. В ней проявилось нечто демоническое, хищническое. И это передавалось Скрябину. Мне было невыносимо тяжело смотреть на бледную дрожашую Веру, сидящую за столом».

Скрябин же совершенно не сочувствует жене. Внутренне он давно уже освободился от семейных уз, и убеждает Веру сделать то же самое. Уехав в Париж на гастроли, он уговаривает её в письме: «Пора тебе стать человеком и взять себя в руки. Смотри, кругом у всех столько неприятностей и даже несчастья, и всё-таки не только находят силы перенести, но ещё и радуются! Помни,

милая, работа даст тебе всё-всё, чего ты хочешь – и радость, и блеск. Я всё сделаю, чтобы помочь тебе».

Татьяна Фёдоровна в это время отчаянно отбивается в письмах от упреков родственников, сыплющихся на неё со всех сторон, за связь с женатым мужчиной, которая теперь всем стала очевидна. Простуженная, вечно недомогающая, она едет в Париж к Скрябину, и подталкивает его к окончательному разрыву с Верой. В последний момент Скрябин как будто прозревает. Он пишет Морозовой: «Я совершаю что-то ужасное, что меня погубит! Прошу не думайте обо мне скверно!». Но отступить уже поздно. Вера как будто смирилась, она стойко выдержала решающий разговор. Посоветовавшись с друзьями, она пообещала развод в обмен на свободный паспорт. Однако, получив его, сразу изменила решение, обрекая соперницу на вечное, унижительное положение любовницы. От этого «клейма» Татьяне Фёдоровне не удалось избавиться до конца жизни.

Эмоциональный накал, сопровождавший расставание с Верой, усилился неожиданно свалившимися денежными трудностями. В Петербурге скончался давний друг и издатель Скрябина М.П. Беляев, и совет душеприказчиков, назначенный по воле покойного, сократил вдвое выплаты композитору. М.К. Морозова, меценатка, недовольная расставанием с Верой, так же урезала выплаты, и на присланные ею средства удалось организовать только один большой концерт в Париже, а не три-четыре, на которые Скрябин так рассчитывал. Так что в начале 1905 года композитор вплотную оказался у границы, за которой начинаются нищета и бедность – для самолюбия Скрябина это был удар. Давать уроки он по-прежнему считал унижительным, но главное – он нуждался во времени и средствах, чтобы закончить новую симфонию, которая уже вызрела в нем. Он назвал ее «Поэма экстаза». Это было первое произведение «обновлённого» Скрябина, «взлетевшего в выси», оторвавшегося от обыденной суеты.

Воплощение замысла требовало времени и сосредоточенности, композитор не хотел отвлекаться на концерты ради хлеба насущного. Жизнь в Париже стала слишком дорогой, и Скрябин принимает решение переехать в Италию, где в городке Больяско он снимает неказистый домик у железной дороги. Здесь они с Татьяной впервые начинают жить как супруги, поглощённые друг другом и новой симфонией. Произведение, ознаменовавшее собой одну из вершин скрябинского творчества, рождалось почти в спартанских условиях. В каком-то кафе Скрябин раздобыл старое расстроенное

пианино, на котором музицировал под грохот проходящих под окном поездов и похоронный звон колоколов соседней церкви.

Материальное положение ухудшилось настолько, что нередко приходилось брать один обед на двоих, к тому же Татьяна ждала их первенца, и состояние её здоровья также требовало постоянных расходов. Однако по свидетельству М.С. Неменцевой-Лунц, бывшей ученицы Скрябина, навестившей его в Италии, композитор был «чрезвычайно бодр и жизнерадостен». «Он совершенно не замечает изменений, которые с ним происходят, – отвечает она в письме Сабанееву. – Я познакомилась с его новой женой Татьяной Фёдоровной. Она точно рок, который висит над ним. Она совершенно подчинила его себе. За обедом она не дала сказать ему ни слова. Он только начинал что-то говорить, как она тут же прерывала и заканчивала за него. Это человек с совершенно подавленной волей. Он очень изменился».

Долго задержаться в гостях у Скрябина Неменцевой-Лунц не удалось. Татьяна Фёдоровна зорко следила, чтобы в жизни Александра Николаевича не появилось новой музыки, чтобы она была одна. Она решительно противится его связям со старыми знакомыми, которые не признают её, обрубает все связи. Во время отсутствия мужа роется в его бумагах и находит письма прежних любовниц – они немедленно отправляются в огонь. Скрябин раздражён её самоуправством, он пишет ей в полушутливом тоне выговор, однако в его письме появляются выражения, которых прежде он не допускал. «Не смей!!! Животное, чёртов свин, читать мои рукописи, иначе лучше бы тебе и не родиться!!! Если среди моих бумаг найдешь какие-нибудь портреты, то в припадке ревности не изволь их уничтожать!» Особенно Татьяна Фёдоровна препятствует общению супруга с прежней семьей. Даже трагедия, смерть старшей дочери Риммы и необходимое присутствие Скрябина на похоронах, вызывает у неё сильное беспокойство. Ей кажется, что смерть ребёнка и общее горе могут снова сблизить Скрябина и Веру Ивановну. Скрябин рыдает на могиле дочери, он чувствует, что её смерть – это кара за уход из семьи, и друзья в лице Сафонова действительно убеждают его «улышаться глас небес» и вернуться к Вере.

Татьяна Фёдоровна же засыпает Скрябина отчаянными письмами, требуя немедленного возвращения. Наконец, совершенно раздавленный, он подчиняется и уезжает назад в Италию. В следующий раз, когда спустя несколько лет, такая же печальная участь постигает сына Скрябина, Татьяна Фёдоровна, «выучив урок», на похороны его уже не пустит. Новая супруга также

решительно берёт в свои руки все дела Скрябина. Она сама устанавливает расценки на его произведения, сильно завышая их, что вызывает недовольство издателей, договаривается о гонорарах за гастроли. «Саша должен сочинять, только сочинять! – утверждает она. – Он должен работать над своей симфонией!».

Однако самой Татьяне Фёдоровне путешествовать со Скрябиным затруднительно. Её по-прежнему унижительно называют сожительницей, отказывают в совместном проживании в гостиницах, в концертных залах на неё косо смотрят почитатели скрябинского таланта и его коллеги. Так во время гастролей в Америке Скрябину и его спутнице пришлось срочно уезжать из гостиницы ночью, когда выяснилось, что они не женаты, иначе утром пресса грозила разжечь скандал. Репутационные неудобства сочетались с самыми простыми бытовыми – хорошая прислуга не хотела наниматься в дом к сомнительной паре, а Татьяна Фёдоровна сама не была способна вести хозяйство, и не желала этого. Бесконечное злословие, пересуды в обществе сопровождали каждое совместное появление Скрябина и его гражданской жены на публике, что чрезвычайно нервировало композитора и доводило Татьяну Фёдоровну до припадка. «Если бы не моё фальшивое семейное положение, благодаря Вере Ивановне, жаловался Скрябин в письме, – я бы давно уже выбрался на дорогу и мог бы заниматься распространением своих идей. А теперь силы уходят неизвестно на что!»

Вера Ивановна тем временем, отказав окончательно по настоянию отца бывшему супругу в разводе, нанесла ему второй чувствительный удар. Она активно гастролеровала, повсюду исполняя произведения Скрябина и публично называя себя его супругой, так что заслужила в прессе похвалу как лучшая исполнительница его творений. Кроме того, по личной протекции Сафонова Веру с сентября 1905 года зачислили ординарным преподавателем по классу фортепиано в Московскую консерваторию, что позволило ей, наконец, стать материально независимой от Скрябина. «Хотела бы я верить, что Саша когда-нибудь ко мне вернётся, – писала она своей благодетельнице М.К. Морозовой. – Но это может случиться в том случае, если не станет моей соперницы. Она слишком сильно и крепко его держит, и не отпустит до смерти. Я весь этот год играла и сделала порядочные успехи. Конечно, я играю только его сочинения и цель моя – его прославить. Не знаю, удастся ли мне это?»

Татьяну Фёдоровну подобное «прославление» выводило из себя. Она требовала, чтобы Скрябин запретил Вере «подавать

себя, как жену». Скрябин также болезненно относился к позиции Веры, однако ничего запретить ей по законам тех времен не имел права. «Концерты Веры Ивановны при данных обстоятельствах только публичный скандал для нас с Таней, да и для всего семейства Шлецеров, – писал он все той же М.К. Морозовой. – Наше требование состоит в том, чтобы Вера не афишировала себя как “жена”. Исполнять мои произведения можно и так. Всё это отрицательно действует на Таню и её родственников. Нужен эгоизм и бессердечие Веры, чтобы не понимать этого».

В мае 1907 года, завершив «Поэму экстаза», Скрябин представляет её на первых дягилевских сезонах в Париже. Для произведений Скрябина в программе было отведено особое место. Кроме исполнения его произведений, что принесло материальный доход, Скрябин получил возможность пообщаться с множеством русских композиторов и музыкантов, собравшихся в Париже по воле Дягилева. Александр Николаевич обнаруживает, что его творчеством по-прежнему интересуются, его идеи находят отклик – он всерьёз задумывается о возвращении на родину. Его «Поэма экстаза», которую он показывает в сольном фортепьянном исполнении, имеет успех, однако мнения о ней – самые противоположные. «Уж не сходит ли он с ума на почве религиозно-эротического помешательства? – записал в дневнике Н.А. Римский-Корсаков. Особенно вызывало споры то, что перед исполнением поэмы, всем слушателям вручили литературную «программу». Это был сопроводительный текст, который композитор считал неотъемлемой частью произведения. Тексты эти Скрябин сочинил сам, они были написаны свободным стихом, но качество их было невысоко. Скрябин – поэт далеко отстал от Скрябина – композитора. Его философско – эротические вирши раздражали даже горячих поклонников творчества композитора, но Скрябин не соглашался их изъять. Он издал их в Женеве за свой собственный счёт и очень дорожил ими.

Получив предложение издать поэму в издательстве Беляева, Скрябин в срочном порядке пишет инструментовку, рассчитывая успеть к распределению Глинкинских премий. «Поэма экстаза» выходит в свет в январе 1908 года, сразу вслед за этим воодушевлённый Скрябин принимается за сочинение нового шедевра. Он пишет авангардные аккорды «Прометея», «Поэмы огня», новой большой симфонии. В феврале того же года в их семье с Татьяной рождается второй ребенок. Мальчика назвали Юлиан, как и первая девочка Ариадна, он слаб здоровьем и требует постоянного внимания.

Летом того же года в жизни Скрябина происходит важная встреча. Он знакомится с Сергеем Кусевицким, начинающим дирижером, удачно женившимся на дочери миллионера, а потому решившим стать покровителем искусства. Кусевицкий собственной персоной объявляется в Лозанне, где в то время живёт Скрябин и делает ему щедрое предложение: ежегодный «пенсион» в пять тысяч рублей, премии за концертные выступления, собственное музыкальное издательство. Для бедствующего композитора – это подарок судьбы.

Кусевицкому не было никакого дела до страданий Веры Ивановны, он признавал Татьяну Фёдоровну единственной женой Скрябина, но больше всего его интересовал сам композитор, как «главная звезда» его предприятия. Через Русское музыкальное общество Кусевицкие организовали выступления Скрябина в Москве, подготовив таким образом, его «пробное возвращение» на Родину. Они также способствовали тому, чтобы в конце 1908 года Скрябину все-таки была вручена Глинкинская премия за «Поэму экстаза». Значительное улучшение материального положения, возобновившиеся концерты, хвалебные отзывы критиков способствовали тому, что в начале 1910 года Скрябин и Татьяна Фёдоровна принимают решение окончательно вернуться в Москву. Они поселились в доме Олтаржевского в Малом Каковинском переулке. В марте 1911 года состоялась московская премьера «Прометей», за которую Скрябин запросил с Кусевицкого гораздо большую сумму, чем обычно. В семье родился третий ребенок, и шестикомнатная квартира в Малом Каковинском сразу стала мала – Татьяна Фёдоровна держала много прислуги.

Кусевицкий был раздосадован, денег не дал – произошёл разрыв. Скрябин остался должен, и вынужден был искать других спонсоров. Из большой квартиры пришлось переезжать в квартиру поменьше, а Татьяне Фёдоровне – экономить, что она очень не любила. По свидетельству друзей дома жизнь в семье Скрябиных не отличалась домовитостью, они всегда старались жить «на широкую ногу», но денег не хватало. По воспоминаниям Сабанеева дом Скрябиных скорее походил на обитель «мелкого немецкого буржуа», чем знаменитого композитора, в нём было много ненужных вещей. Даже инструмент, на котором играл Скрябин, был заставлен цветочными горшками, что мешало получить нужный звук, но Татьяна Фёдоровна категорически не разрешала их снимать.

Предвоенный 1913 год стал самым благополучным в жизни скрябинской семьи. «Поэма экстаза» и «Прометей» исполнялись

по всему миру и имели большой успех. Александр Николаевич написал несколько ярчайших сонат для фортепиано и начал сочинять Мистерию – «главное произведение», как он называл, «которое подведёт человечество к Концу света». Как начался его собственный конец, Скрябин даже вначале не заметил.

В январе 1915 года от постоянного нервного напряжения обострился фурункулёз, который досаждал композитору некоторое время, в основном не доставляя особых тревог. Неожиданно в апреле положение усугубилось – в одну ночь началось заражение крови, и процесс развивался очень быстро. Скрябин впал в беспамятство и умер 14 (27) апреля 1915 года в возрасте 43 лет, находясь на пике славы.

Татьяна Фёдоровна оставалась рядом с композитором до последнего вздоха, исполняя обязанности медсестры и сиделки. «Когда я пришёл проститься, меня поразило, что Татьяна Фёдоровна была без слез, – вспоминал Леонид Сабанеев. – Уже в траурном костюме, она казалась глубокой старухой. Под вуалью не было видно черт её лица – и она как-то вся обострилась от горя и нервных дней. На её лице ещё резче легла та трагическая черта, которая всегда была в нём».

После смерти Скрябина Татьяна Фёдоровна осталась с тремя детьми на руках без средств к существованию и даже без жилья. Последние сбережения были потрачены на визиты докторов и неудачное лечение Александра Николаевича. Вдова Скрябина распродала мебель, чтобы продлить контракт на квартиру, так как срок аренды по странному стечению обстоятельств истёк ровно в день кончины Скрябина. Болезнь развивалась так быстро, что композитор едва успел составить завещание и написать письмо в императорскую канцелярию об усыновлении детей до того, как потерял сознание.

Для Веры Ивановны смерть бывшего супруга также стала неожиданным потрясением. В конце апреля под нажимом многих друзей Скрябина она также написала в императорскую канцелярию письмо, в котором сообщала, что не возражает против признания законными троих детей Скрябина Ариадны, Юлиана и Марины, «прижитых им в связи с Татьяной Фёдоровной Шлецер». Вскоре из Петербурга был получен ответ, в котором Татьяне Фёдоровне разрешалось подать документы на официальное получение её детьми фамилии Скрябины. Самой же Татьяне Фёдоровне в праве носить фамилию её фактического супруга было отказано. Несмотря на это в частных письмах она всегда подписывалась «Татьяна Скрябина». «Трудно вообразить, как тяжело сейчас у меня на душе, – писала Татьяна Фёдоровна через месяц после смерти Скрябина. – Казалось бы, мысли о прошлых радостях должны угнетать меня, но нет,

сквозь глубокую скорбь во мне живёт какая-то радостная благодарность судьбе за десять лет глубокого, чудесного счастья с прекрасным, слишком прекрасным для земли существом. Всем сердцем верую, что разлука с ним временная. А здесь на земле надо ещё много сделать для его идей, для его искусства».

Татьяна Фёдоровна Шлецер – Скрябина умерла 10 марта 1922 года. К этому времени по свидетельству Сабанеева её организм перенёс «чуть не одиннадцать болезней». В её состоянии наметилось улучшение, однако, в один день она, сидя в кресле, вдруг упала, а через некоторое время скончалась от «воспаления мозга». В последние годы жизни руку помощи Татьяне Фёдоровне протянула поэтесса Марина Цветаева. Она дежурила у её постели по ночам, так как Татьяна Фёдоровна страдала бессонницей и не могла повернуться в постели без посторонней помощи. «Я была с ней в дружбе два года подряд, – написала Марина Цветаева Борису Пастернаку после похорон Татьяны Фёдоровны, на которых тот тоже присутствовал. – Я была её единственным женским другом за всю жизнь. Дружба суровая, мужская, вся на деле, вне нежности земных примет».

Татьяна Фёдоровна всего на два года пережила главную соперницу всей своей жизни – Веру Ивановну Скрябину. По легенде, рассказанной Сабанеевым, Вера Ивановна умерла в Петрограде точно таким же образом, упав с кресла, в одночасье. Однако по другой версии она скончалась от заражения «испанкой» во время эпидемии. Одно из последних предсказаний Скрябина, сообщённое ей на смертном одре, Татьяна Фёдоровна хранила в памяти всю оставшуюся жизнь и передала Цветаевой ночью, накануне собственной смерти. «Он так и сказал мне, Таня, я хочу тебе что-то показать, и протянул руку вперёд. Война. Она начиналась в ином, в астральном мире. Она давно уже там идёт. Война – то самое преобразование мира, конец мировой истории. Я знаю, я видел. Наступает новая эра, Танечка, – предсказал он, – когда всё духовное угаснет, всё мистическое улетучится, наступит время страшной прозы, полного погружения в материальный мир. Я видел. Я знаю. Я всё время под чьим-то надзором. Мне всё передают в музыке. После этого он закрыл глаза, но ещё шевелил губами. Больше я его не слышала».

Санкт-Петербург